

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

REGIONAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-449-468

EDN: WBQKJX

Научная статья / Research article

Постбиполярный Ближний Восток: движение от конфликтов к устойчивому развитию в условиях формирующегося многополярного мира

И.А. Матвеев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

 iamatveev@fa.ru

Аннотация. Современный макрорегион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) и после распада биполярной системы международных отношений представляет собой пространство с более чем двумя десятками государств с различными политическими режимами, экономическими моделями, уровнями социально-экономического развития и целым рядом конфликтов, которые по типам делятся на межгосударственные, внутренние и гибридные с участием государств и негосударственных акторов (НГА), по видам — на территориальные, идеологические, политические, этнические, религиозные и экономические, а также отличаются по интенсивности и степени интернационализации. Противоречивость БВСА проявляется в параллельном генезисе очагов устойчивого развития, обуславливающих заинтересованность государств в установлении долгосрочного мира, что коррелирует с важным транзитным местом БВСА в глобальных логистических проектах, будь то китайская инициатива «Один пояс, один путь» или транспортный коридор «Индия — Ближний Восток — Европа». Отсутствие определенности в военно-политических сценариях, от которых зависит развитие стран БВСА, повышает значимость экспертных оценок и прогнозирования, чем объясняется актуальность темы исследования. Автор ставит перед собой задачу доказать тезис о том, что, несмотря на эскалацию напряженности и провал попыток США «умиротворить» регион на монетарной основе, учитывая преимущественно интересы Израиля, но не других стран, шансы избежать масштабной региональной войны остаются. При переходе от так до конца и не сложившегося однополярного мира к многополярности это связано с суверенизацией внешней политики стран БВСА и дипломатией новых глобальных центров силы, в частности России и Китая. С опорой на широкий пласт российских и зарубежных источников автор применяет принцип историзма и системный подход, анализируя процессы в динамике и в ретроспективе. Новизна исследования состоит в том, что, руководствуясь принципом связи теории и практики и обращаясь к теории глубоко разделенных обществ (ГРО), автор вводит в научный оборот понятие «глубоко разделенного региона» (ГРР). Практическая значимость исследования заключается в предложении ряда рекомендаций по реализации Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г.

Ключевые слова: система международных отношений, страны Глобального Юга, глубоко разделенное общество, «арабская весна», внутренний конфликт, интернационализация конфликта, суверенизация внешней политики, диверсификация экономики, Концепция внешней политики РФ 2023 г.

© Матвеев И.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Примечание. Мнения, высказанные в статье, принадлежат автору и могут не совпадать с позицией редколлегии журнала.

Для цитирования: Матвеев И. А. Постбиполярный Ближний Восток: движение от конфликтов к устойчивому развитию в условиях формирующегося многополярного мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 449–468. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-449-468>

Post-Bipolar Middle East: Moving from Conflicts to Sustainable Development in an Emerging Multipolar World

Igor A. Matveev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

 iamatveev@fa.ru

Abstract. After the collapse of the bipolar system of international relations, the contemporary macro-region of the Middle East and North Africa (MENA) still encompasses more than two dozen states that differ in terms of their political regimes, economic models and levels of socio-economic development. The region also experiences a variety of conflicts, divided by type into interstate, internal, and hybrid with the participation of both states and non-state actors (NSA). Furthermore, these conflicts can be categorized as territorial, ideological, political, ethnic, religious, and economic, and can vary in intensity and degree of internationalization. The contradictory nature of MENA is manifested by the parallel genesis of the foci of sustainable development, which determine the interest of states in establishing long-lasting peace. This is correlated with the significant role of MENA as a transit point in global logistics projects, such as the Chinese Belt and Road Initiative and the India — Middle East — Europe transport corridor. The uncertainty surrounding the political and military scenarios on which MENA countries depend highlights the importance of expert assessments and forecasts, which explains the relevance of the topic of the present study. The author sets out to prove the thesis that, despite the escalation of tensions and the failure of the US's attempts to “pacify” the region on a monetary basis, mostly taking into account the interests of Israel, but not other countries, the chances of avoiding a large-scale regional war remain. Facing the transition from the unipolar to a multipolar world, this could be linked to both the sovereignization of the foreign policies of MENA countries and the diplomacy of the new global centers of power, including Russia and China. Based on a wide range of Russian and foreign sources together with his own field research data, the author applies the principle of historicism using a systemic approach and analyzing processes in retrospective dynamics. The novelty of the research lies in the fact that the author, guided by the principle of the connection between theory and practice and turning to the theory of deeply divided societies (DDSs), introduces the concept of “deeply divided region” (DDR) into the scientific domain. The practical significance of the study is embodied by a few recommendations for implementing the 2023 Concept of Foreign Policy of the Russian Federation.

Key words: system of international relations, countries of the Global South, deeply divided society, Arab Spring, internal conflict, internationalization of conflict, sovereignization of foreign policy, diversification of economy, 2023 Foreign Policy Concept of the Russian Federation

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Disclaimer. The opinions expressed in this article are those of the author. They do not purport to reflect the opinions or views of the editorial team.

For citation: Matveev, I. A. (2025). Post-bipolar Middle East: Moving from conflicts to sustainable development in an emerging multipolar world. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 449–468. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-449-468>

Введение

Ближний Восток в широком понимании его историко-географического пространства, включающего в себя арабские страны

Западной Азии и Северной Африки, а также Израиль, Иран и Турцию, после окончания Второй мировой войны (хотя предпосылки для этого появились гораздо раньше)

превратился в макрорегион с разноуровневыми множественными противоречиями.

В эпоху глобализации, которой присущ рост взаимозависимости регионов и стран, коллективный Запад, пытаясь сохранить неокOLONиальный доступ к сырьевым ресурсам арабского и исламского мира, зачастую использует в своих интересах или провоцирует множественные конфликты в государствах с различными политическими системами, уровнем развития и моделями экономик. В результате возникают серьезные риски различного рода не только на региональном, но и на глобальном уровне, что чревато неконтролируемым перерастанием региональных конфликтов в трансрегиональные и шире — в третью мировую войну. Более того, уже сейчас конфликты в Газе и Йемене блокируют реализацию перспективных глобальных проектов, таких как китайская инициатива «Один пояс, один путь» или транспортно-логистический коридор «Индия — Ближний Восток — Европа».

Нельзя, однако, сказать, что Ближний Восток остается в стороне от позитивных тенденций. Не только форпост Запада в лице Израиля, но и ряд других государств региона энергично пытаются строить «экономику XXI века», что отражает генезис очагов устойчивого развития.

От экспертных оценок и прогнозов, учитывающих расклад сил на различных уровнях, динамику и вариативность изменений, а также потенциалы устойчивости политических режимов, зависит эффективность реализации задач, изложенных в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г.¹ Все перечисленное обосновывает актуальность и практическую значимость темы данной статьи.

Объектом исследования является меняющийся комплекс деструктивных и стабилизирующих факторов, которые определяют

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом России В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.10.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.11.2024).

политическое и социально-экономическое развитие и модернизацию стран Глобального Юга в первой трети XXI в. на уровне обществ, региональных систем международных отношений (СМО) и экономик. Предметом изучения служит *дихотомия «конфликт — мирное развитие»* в макрорегионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА).

Ввиду отсутствия единого международного определения границ этого региона (геосхемы на основе стандарта ООН М.49, Всемирного банка и Международного валютного фонда различаются) под макрорегионом БВСА в этом исследовании будут пониматься страны Лиги арабских государств (ЛАГ), включая Коморы в силу их удаленности и неучастия в региональной СМО, Израиль как участник региональных конфликтов, а также Иран и Турция как державы, активно вовлеченные в региональные дела. Выделяются также субрегионы БВСА: Магриб, регион Красного моря и Африканского Рога, Восточное Средиземноморье и Средний Восток², а также субрегион Персидского залива.

Цель исследования — проверка гипотезы о том, что, несмотря на конфликты, шансы избежать масштабной войны между, например, Ираном и его союзниками (негосударственными акторами, НГА), с одной стороны, и Израилем и США — с другой, в макрорегионе БВСА сохраняются по ряду причин:

— распад биполярной системы международных отношений в конце XX в. привел к утрате со стороны стран БВСА интереса в участии в блоковой межгосударственной конфронтации ради экономических и финансовых дивидендов;

— начался процесс суверенизации внешней политики государств Глобального Юга, направленный на установление более справедливого миропорядка;

— наблюдается генезис очагов и зон устойчивого развития, что формирует заинтересованность государств в долгосрочном мире, который, однако, не означает их отказа от регионального соперничества;

² В данном случае к Среднему Востоку (англ. *Middle East*) относятся Иран и Турция — отдельно от остального региона БВСА (англ. *Near East*).

— государства БВСА ищут новые форматы интеграции и взаимодействия между собой и новыми глобальными центрами силы. Примером служит рост интереса стран БВСА к БРИКС.

Материалы и методы исследования

Основные аспекты теории и истории международных отношений, развития СМО на различных уровнях анализируются с использованием системного подхода в трудах российских ученых в рамках научной школы А.Д. Богатурова (*От системной истории...*, 2020). Многие вопросы, связанные с теорией международных конфликтов, конфликтами на Ближнем Востоке и проблемами социально-экономического развития стран региона, нашли отражение в трудах российских и зарубежных авторов, которые, в частности, осуществили классификацию конфликтов (Глухова, 2020) и типологизацию поведения акторов в них (Сушенцов, 2010).

По характеру выделяют конфликты-сражения, игры и споры (Rapoport, 1960), по пространственному охвату — глобальные, региональные и локальные, которые с учетом столкновения интересов, борьбы за сферы влияния и ресурсы при высокой степени интернационализации становятся геополитическими. По типу конфликты делятся на межгосударственные, внутренние и гибридные, по видам — на территориальные, политические, идеологические, этнические, религиозные и экономические конфликты.

Вопросы эволюции региональной СМО на Ближнем Востоке освещены как в работах российских (Яковлев, 2020; Рыжов, Бородин, Савичева, 2021; Поляков, 2023), так и зарубежных (Halliday, 2005; Hinnebusch, 2015) исследователей.

Российский востоковед В.В. Наумкин (2015) применительно к БВСА развивает концепт «глубоко разделенного общества», основоположником которого считается А. Гелке (Guelke, 2012). В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов (Наумкин, Кузнецов, 2020) также адаптировали к Ближнему Востоку типологию негосударственных акторов Ф. Тейлора (Taylor, 1984).

Причины «арабской весны» и «волн турбулентности», которые «встряхнули» арабский мир в 2011 г. и 2012–2018 гг., анализируются К.М. Труевцевым (Труевцев, 2020). На Западе на тему «арабской весны» вышли монографии Дж. Гелвина (Gelvin, 2012) и М. Хааса (Haas, 2017).

Тенденции и игроки на Ближнем Востоке в «постбиполярный период» исследуются И.Д. Звягельской (Звягельская, 2017). Существуют также работы по интернационализации конфликтов (Лукьянов, Кулиева, 2024) и вызову исламистского терроризма (Исаев и др., 2020).

Обширный пласт исследований посвящен проблемам модернизации и интеграции государств БВСА (Мамедова, 2016; Мельянцев, Амиров, 2018; Руденко, 2016; Арабский Восток в лабиринте социально-экономических проблем, 2022), анализу динамики основных характеристик геополитической и культурно-цивилизационной идентичности на Ближнем Востоке (Белов, Савичева, 2021), а также обзору роли России на Ближнем Востоке (Звягельская и др., 2021).

Если в упомянутых работах конфликты и императивы устойчивого развития анализируются по отдельности, то в данном исследовании все они рассматриваются в совокупности применительно к Ближнему Востоку, что позволяет продемонстрировать его возросшую противоречивость.

Методологически исследование опирается на следующие подходы и принципы:

— системный подход, подразумевающий подготовку геосхем конфликтов, очагов и зон устойчивого развития, которые рассматриваются через призму региональной СМО;

— междисциплинарный подход;

— принцип единства теории и практики, который позволяет представить авторскую оценку зачастую противоречивых на первый взгляд сообщений из мирового информационного потока, касающегося БВСА, делая обоснованные выводы об их реальном содержании.

Набор методов исследования включает в себя классификацию, сравнительный анализ и применение элементов методики

визуализации данных с их изложением в объектах инфографики в удобном для зрительного восприятия виде.

Глубоко разделенные общества

Макрорегиону БВСА присущи глубоко разделенные общества. В.В. Наумкин относит к ним Ирак и Сирию, а также Бахрейн, Йемен, Ливан и Ливию (Наумкин, 2015, с. 67). На наш взгляд, явные признаки ГРО присущи Бахрейну, Джибути, Ираку, Йемену, Ливану, Ливии, Мавритании, Сирии, Сомали, Судану, Турции (рис. 1).

В Магрибе ГРО сложились в условиях культурно-сложных обществ Алжира, Ливии и Мавритании. Несмотря на признаки ГРО в Марокко и Тунисе, связанные с имущественным неравенством (именно в Тунисе началась «арабская весна»), в первом случае властям удается предотвращать поляризацию общества при помощи патернализма и за счет внешней помощи, во втором — идя на политические уступки гражданам и поощряя диалог между общественными силами.

Долгое время основным бинарным противоречием в Алжире оставался политико-идеологический конфликт между властями и исламистами, который в 1992–2002 гг. принял вооруженную форму. Сейчас боестолкновения в основном завершены. Сохраняются также этнические противоречия между арабами и кабилами (берберами).

Чертой ГРО в Ливии стали многоуровневые деления, развивавшиеся в колониальный и монархический период, затем — при Муаммаре Каддафи и после падения его режима в 2011 г. Первый уровень представлен регионализмом (арабск. *иклимийя*) — делением на области Киренаика на западе, Триполитания на востоке и Феццан на юго-западе, второй уровень — этническими делениями на арабов, берберов, туарегов (группу берберов). На третьем уровне — племенные (*кабилиия*) и семейно-клановые деления. Свержение М. Каддафи, который как мог старался поддерживать баланс между племенами, привело к резкому росту влияния клановой системы (Махмутова, 2022, с. 363).

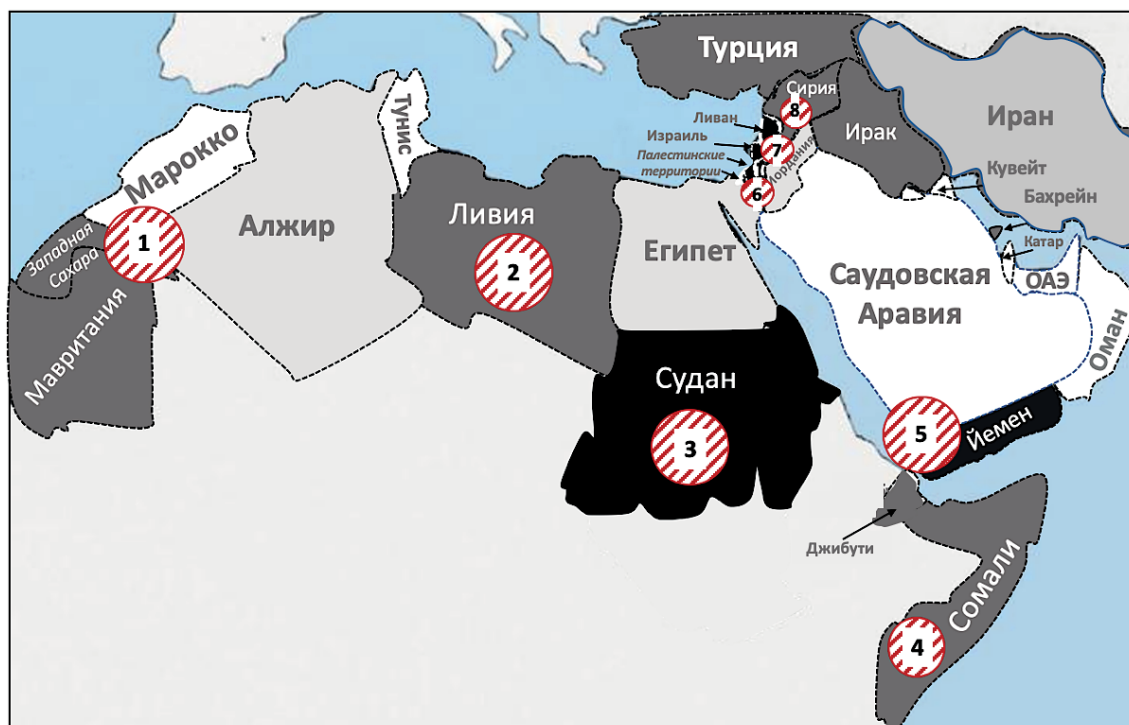

Рис. 1. Конфликты в макрорегионе БВСА:

черным цветом выделены страны (территории) в состоянии горячей фазы конфликта, темно-серым — страны с вооруженными конфликтами, имеющими тенденцию к эскалации или деэскалации, и страны с ярко выраженными признаками ГРО, светло-серым — с признаками ГРО. Штриховкой отмечены конфликтные зоны.

Источник: составлено И.А. Матвеевым.

В мавританском ГРО главным является расово-этническое деление первого уровня на негроидное население Юга и проживающих на Севере туарегов и арабов-берберов, которые ориентируются соответственно на Западную Африку и арабский мир (Гришина, 2021, с. 60–61). На втором уровне — родоплеменные противоречия, обуславливающие частоту военных переворотов³ (неудачный путч 2003, 2005 и 2008 гг.).

В регионе Красного моря / Африканского Рога ГРО сложились во всех пяти странах. В Египте признаком ГРО со времен президентства Анвара Садата стали антагонизмы между компрадорскими и консервативными группами населения, симпатизирующими движению «Братья-мусульмане»⁴, в том числе идейными сторонниками архаизации ислама, а также религиозно настроенными малоимущими горожанами и жителями сельской местности.

Менее острые антагонизмы связаны с религиозным делением на мусульман и христиан-коптов, а также этническим нубийским вопросом. Протесты «арабской весны» привели к отстранению правившего с 1981 г. президента Хосни Мубарака, вместо которого в 2012 г. был избран Мухаммед Мурси, близкий к «Братьям-мусульманам» (запрещены в РФ). При этом стабилизирующим фактором со времен «июльской революции» 1952 г. остается особая роль военных, которые видят себя в качестве гаранта национальной целостности (Ибрагимов, 2019, с. 73). Именно они, сместив М. Мурси в 2013 г., поставили во главе государства генерала Абдельфаттаха ас-Сиси.

В колониальном Джибути сложилось ГРО с делением на два народа: афаров и исса. На референдуме 1967 г. афары поддержали

сохранение статуса заморской территории Франции, тогда как представители этноса исса, относящегося к сомалийскому племени дир, выступили за присоединение к Сомали. После обретения в 1977 г. страной независимости ее возглавил выходец из исса Хасан Аптидон, которого в 1999 г. сменил его племянник, нынешний президент страны Исмаил Гелле. В 1991 г. разразилась война между правительством и афарским Фронтом за восстановление единства и демократии, завершившаяся в 1994 г. победой исса. Пока властям удастся контролировать ситуацию за счет исламизации общества и привлечения внешней помощи. Так, Китаю предлагаются выгодные проекты для инвестирования, в частности, в морской порт Джибути (Пономаренко, Пискунов, 2022, с. 162).

В Йемене племенная рознь переплетается с делением на мусульман-суннитов и мусульман-зейдитов (течение внутри шиитского ислама) в условиях исторического деления страны на Север и Юг. Значительная часть зейдитов является сторонниками хуситского политического движения. Элиты ориентируются на различных внешних акторов: хуситы на севере — на Иран⁵, международно признанные власти, временно обосновавшиеся на юге в Адене, — на Саудовскую Аравию, Южный переходный совет — на Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)⁶. Существуют и исламисты (в 2014 г. провозглашен «Виляят Йемен» в структуре «Исламского государства»⁷).

⁵ Гельман З. XXI век и племенное государство // Независимая газета. 26.07.2019. URL: https://nvo.ng.ru/nvo/2019-07-26/1_1054_yemen.html (дата обращения: 22.07.2025).

⁶ См.: Рябов П. П. Йемен: разногласия между КСА и ОАЭ фактически развалили аравийскую коалицию против хоуситов // Институт Ближнего Востока. 31.05.2017. URL: <https://www.iimes.ru/?p=35220> (дата обращения: 22.07.2025); Субботин И. Йеменский конфликт сорит Эр-Рияд и Абу-Даби // Независимая газета. 26.04.2020. URL: https://web.archive.org/web/20200501202506/http://www.ng.ru/world/2020-04-26/2_7853_yemen.html (дата обращения: 22.07.2025).

⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций,

³ Берг И. С. Межэтнические конфликты в Мавритании в свете военных переворотов (1978–2008) // Институт Ближнего Востока. 25.10.2009. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9537> (дата обращения: 18.11.2024).

⁴ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

Примером выраженной формы ГРО является Сомали с конгломератом пересекающихся и параллельных делений. Первый, региональный, уровень обусловлен сложившимся в еще колониальные времена делением страны на Британское Сомали — современный Сомалиленд, не признанный в качестве государства, но со своей экономикой и валютой, и Итальянское Сомали, в настоящее время — Федеративную Республику Сомали, куда де-юре входят регионы Джубаленд, Пунтленд, Хиршабелле, Юго-Западное Сомали и Государство Центральных районов Сомали. Второй уровень — этническое деление между сомалийцами и несомалийцами (банту, эфиопы и др.). Третий уровень — деление на племенные союзы и кланы (дарод, дир, исаак, хавийе, раханвейн), а также на подкланы (Демидов, 2023, с. 199) и семейно-клановые группы. Не случайно Сомали называют страной «кланового федерализма» (Исаев, Бобарыкина, 2023, с. 248). Отдельно следует упомянуть продолжающуюся войну между правительством в Могадишо и местными властями, с одной стороны, и исламистами из «Харакат аш-Шабаб аль-Муджахедин» («Аш-Шабаб») — с другой.

В Судане после раздела в 2011 г. на европеоидный арабо-мусульманский Север и негроидный христианско-анимистический Юг оказались отчасти нивелированы межрасовые и религиозные противоречия. Удалось приглушить Дарфурский этнический конфликт 2003–2020 гг. Однако в 2023 г. борьба за власть между армейской верхушкой и полевыми командирами Сил быстрого реагирования (СБР) привела к началу внутреннего политического конфликта.

Признаки ГРО присущи всем странам Восточного Средиземноморья и Среднего Востока, включая Израиль с его политической поляризацией в рамках многопартийной системы, отражающей в том числе деление по степени религиозности населения (есть ортодоксальные партии). Существует этно-религиозное деление на евреев-иудеев,

признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

арабов-мусульман — граждан Израиля и друзов, которое пока не приобрело антагонистический характер ввиду интегрированности последних в социум. В то же время израильское общество в условиях конфликта с палестинцами, террористических и внешних угроз сохраняет способность к консолидации, в очередной раз сплотившись на фоне войны с ХАМАС.

Непростая ситуация сложилась в Иордании, где деления внутри ГРО связаны с присутствием 2 млн палестинских и 1,4 млн сирийских беженцев (данные за 2024 г.)⁸. И если палестинцы смогли интегрироваться в социум, то приход сирийцев тяжким бременем лег на экономику. Власти, опасаясь внутреннего конфликта, возражают против нового наплыва палестинских беженцев из-за войны в Газе, не забывая о «Черном сентябре» 1970 г., когда тысячи палестинских боевиков чуть было не свергли короля Хусейна. Кроме того, сохраняется кланово-племенная структура общества, токсичный эффект которой нивелируется за счет дискурса патернализма.

В многосоставном иракском обществе сохраняются бинарное этническое разделение на арабов и курдов и конфессиональное разделение на суннитов и шиитов, которые образуют нетипичное для большинства ГРО троичное деление (Guelke, 2012, p. 14). Его отражением является неформальное квотирование государственных должностей (*мухаса-са таифийя*) и рекрутирования элиты (Мамедов, Сапронова, 2021, с. 364–365): согласно политическим договоренностям 2003 г. президентом страны должен быть этнический курд-суннит, премьер-министром — араб-шиит, а спикером парламента — араб-суннит⁹.

В Иране главным маркером деления ГРО является принадлежность к консервативному либо реформаторскому лагерю. К примеру, действующий президент Масуд Пезешкиан

⁸ Where We Work: Jordan // Anera. 2024. URL: <https://www.anera.org/where-we-work/jordan/> (accessed 18.11.2024).

⁹ Беленькая М. Ирак остался без президента // Коммерсантъ. 08.02.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5205612> (дата обращения: 06.08.2025).

считается реформатором, а его предшественник Ибрахим Раиси, погибший в авиакатастрофе, — консерватором. Среди иранцев, особенно молодежи, распространены критические настроения к власти, которые в 2021–2023 гг. не раз приобретали форму массовых протестов. Однако консолидирующим фактором остается «синдром осажденной крепости» в условиях конфронтации с Израилем.

В ливанском ГРО существует ряд конфессиональных делений (*тауфийя*): на христиан-маронитов, суннитов, шиитов, друзов, причем — и это уникальность Ливана — не бинарных и троичных, а скорее сетевых. Марониты ориентированы на Запад, сунниты — на Запад и аравийские монархии¹⁰, тогда как местные шииты во многом симпатизируют Ирану. Шаткого баланса удалось достичь благодаря Национальному пакту 1943 г., который закрепил посты президента страны за маронитами, премьер-министра — за суннитами, председателя парламента — за шиитами. Самостоятельным фактором стало присутствие беженцев: в 1975 г. конфликт между палестинцами, создавшими «государство в государстве» на юге Ливана, и маронитами вылился в 15-летнюю гражданскую войну. Сейчас история отчасти повторяется с шиитским движением «Хизбалла», которое сумело не только установить контроль над югом страны, но и интегрироваться в общество, будучи с 1992 г. представленным в парламенте и экономике (Махмутова, 2020, с. 83). Конфессиональное деление накладывается на другие антагонизмы, например, между арабами-мусульманами и частью местных христиан, которые, невзирая на этническую принадлежность к арабам, называют себя «левантийцами» по аналогии с католиками средневековых государств, учрежденных крепостносцами на Ближнем Востоке.

Для ГРО на палестинских территориях главным является бинарное противоречие политико-идеологического характера между Движением за национальное освобождение

Палестины (ФАТХ) и «Исламским движением сопротивления» (ХАМАС). В 2007 г. хамасовцам удалось установить контроль над Газой, а за ФАТХ остался Западный берег. Война в Газе сплотила «палестинскую улицу», но не элиту.

Наличие бинарных делений в Сирии стало одной из причин внутреннего конфликта. В числе таких делений — политические антагонизмы между противниками и сторонниками экс-президента Башара Асада, идеологические — между исламистами и остальным населением, этнические — между арабами и курдами, конфессиональные — между суннитами и шиитами, суннитами и общиной алавитов, к которой принадлежит правившая Сирией в 1970–2024 гг. семья Асадов. В отличие от Ирака двоичные деления в Сирии не стали троичными, хотя иногда пересекались. Примером служит политико-идеологический конфликт радикалов из «Исламского государства» (запрещено в РФ) и «Джабхат ан-нусрой»¹¹ между собой, с властями, умеренной и светской оппозицией.

Явным признаком ГРО в Турции является непримиримый политико-идеологический раскол общества. Президентские, парламентские и муниципальные выборы 2023–2024 гг. выявили ориентацию одной половины общества на исламские ценности и неоосманизм, а другой половины — на сближение с Западом и светские идеалы. Выразителем интересов первой группы является правящая с 2002 г. Партия справедливости и развития во главе с президентом Турции Реджепом Тейипом Эрдоганом. Сторонники второй группы консолидируются вокруг Республиканской народной партии, основателем которой считается Мустафа Кемаль Ататюрк. Пиком противостояния стала неудавшаяся попытка переворота, предпринятая в 2016 г. частью турецких военных. Существуют также антагонизмы между турками и курдами, составляющими крупнейшее этническое

¹⁰ Здесь и далее под аравийскими монархиями подразумеваются шесть стран, которые входят в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ): Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия.

¹¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

меньшинство (21 % на 2019 г.) (Филиппова, 2020, с. 102). Власти, однако, до сих не выделяют их в качестве отдельного этноса и не признают курдский язык. С 1984 по 2025 г. продолжался вооруженный конфликт между властями и сторонниками Рабочей партии Курдистана¹² в Турции, Ираке и Сирии. Эти противоречия коррелируют с политико-идеологическими, образуя троичное деление, в рамках которого на президентских выборах 2024 г. прокурдская Партия демократии народов поддержала оппозиционного кандидата Кемаля Кылычдароглу¹³. Кроме того, антисирийские погромы в Турции 30 июня 2024 г. выявили остроту этнических противоречий между турками и сирийцами.

Относительно благополучным выглядит субрегион Персидского залива, где из шести монархий выраженные признаки ГРО наблюдаются только в Бахрейне с бинарным делением на шиитское большинство населения и суннитскую элиту во главе правящей семьей Аль Халифа. В 2011 г. данное деление привело к вспышке протестов на волне «арабской весны», которые пришлось подавлять силовикам из Саудовской Аравии и ОАЭ.

Открытые конфликты

Более серьезным, чем ГРО, вызовом для БВСА являются конфликты, отличные друг от друга по типу, виду, степени интенсивности и интернационализации (рис. 2).

В Магрибе существует два конфликта.

Первый — западносахарский (с 1970-х гг.) — является территориальным и гибридным политическим конфликтом между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО. С 1992 г. конфликт отличается низкой интенсивностью (здесь и далее см. шкалу на рис. 3) и интернационализацией (здесь и далее см. шкалу на рис. 4). Фронт ПОЛИСАРИО стремится мирно заручиться максимальным международным при-

знанием самопровозглашенной Сахарской Арабской Демократической Республики, хотя продолжают отмечаться вспышки боестолкновений, как в 2020 г.¹⁴ Западносахарским повстанцам помогает Алжир, остающийся в состоянии конфронтации с Марокко¹⁵ (зона 1 на рис. 1, линия 20 на рис. 2).

Второй конфликт — ливийский. В ходе внешней интервенции и гражданской войны в Ливии сложилось двоевластие между Правительством национального единства (ПНЕ) в Триполи и Правительством национальной стабильности (ПНС), а до этого — Временным правительством в Сирте. Это политический конфликт с этноплеменным и экономическим компонентами (зона 2 на рис. 1), который отличается средней интенсивностью (в 2020–2021 гг. активные боевые действия не велись, в 2022 г. столкновения возобновились), сохраняя высокую степень интернационализации. Признанное Организацией Объединенных Наций ПНЕ поддерживают Турция и Катар (линия 13 на рис. 2), ПНС — Египет, ОАЭ и Саудовская Аравия (линии 14 и 15 на рис. 2).

В регионе Красного моря / Африканского Рога выделяются три конфликта в «горячей» стадии.

Гражданская война в Йемене (зона 5 на рис. 1) представляет собой конфликт внутреннего типа с антагонизмами между международно признанным правительством и НГА в лице хуситов, южан, племен и исламистов, с чертами гибридного конфликта, если учитывать столкновения хуситов и стран Запада.

Здесь же присутствует политико-идеологическое противостояние между исламистами и другими акторами. Конфликт сохраняет высокую интенсивность с тенденцией к эскалации на фоне войны в Газе.

¹⁴ Мустафин Р. Западная Сахара балансирует на грани войны // Независимая газета. 16.11.2020. URL: https://www.ng.ru/world/2020-11-16/6_8015_sahara.html (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁵ К чему приведет обострение отношений между Францией и Алжиром. Его причиной стала позиция Парижа по Западной Сахаре // РБК. 17.08.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/08/2024/66bf5ee69a79475b71fd5e89> (дата обращения: 22.07.2025).

¹² В марте 2025 г. партия заявила о прекращении вооруженной борьбы против турецкого государства, а в мае — о самороспуске (*Прим. ред.*).

¹³ Зайнашев Ю. Главной угрозой для Эрдогана стали курдские резервы // Взгляд: деловая газета. 26.05.2023. URL: <https://vz.ru/amp/world/2023/5/26/1213551.html> (дата обращения: 18.11.2024).

Рис. 2. Линии конфликтов с вовлеченностью региональных акторов в макрорегионе БВСА (без учета векторов влияния нерегиональных акторов):

в кружочках указаны номера конфликтных линий. Линия с одной стрелкой указывает на односторонний вектор конфликтной линии, линия с двумя стрелками — на ее двустороннюю направленность.

Источник: составлено И.А. Матвеевым.

Конфликты низкой интенсивности	Конфликты средней интенсивности	Конфликты высокой интенсивности
Западносахарский конфликт Конфликт между Ираном и Саудовской Аравией Конфликт между Катаром и Саудовской Аравией и другими странами ССАГПЗ и ЛАГ Внутренний конфликт в Сомали	Конфликт между Израилем и Ираном Внутренний конфликт в Ливии Внутренний конфликт в Сирии Сирийско-турецкий конфликт	Внутренний конфликт в Йемене Внутренний конфликт в Судане Палестино-израильский конфликт Конфликт между Израилем и ливанской «Хизбаллой»

Рис. 3. Шкала интенсивности конфликтов

Источник: составлено И.А. Матвеевым.

Конфликты низкой степени интернационализации	Конфликты средней степени интернационализации	Конфликты высокой степени интернационализации
Западносахарский конфликт Конфликт между Ираном и Саудовской Аравией	Конфликт между Израилем и Ираном Внутренний конфликт в Судане Конфликт между Израилем и ливанской «Хизбаллой» Конфликт между Катаром и Саудовской Аравией и другими странами ССАГПЗ и ЛАГ Сирийско-турецкий конфликт	Внутренний конфликт в Йемене Внутренний конфликт в Ливии Внутренний конфликт в Сирии Внутренний конфликт в Сомали Палестино-израильский конфликт

Рис. 4. Шкала интернационализации конфликтов

Источник: составлено И.А. Матвеевым.

К проявлениям высокой интернационализации относятся военное противостояние хуситов с Саудовской Аравией (линия 10 на рис. 2), поддержка йеменских южан властями ОАЭ (линия 11 на рис. 2), ведущаяся с декабря 2023 г. военная операция США против хуситов и обмена ударами между хуситами и Израилем (линия 9 на рис. 2).

Идущая с 1988 г. гражданская война в Сомали (зона 4 на рис. 1) представляет собой многоуровневый внутренний конфликт между федеральными, местными властями и НГА с признаками политического, территориального (спор между Пунтлендом и Сомалилендом), идеологического, экономического и этнического конфликтов. Хотя в настоящее время интенсивность данного конфликта низкая, продолжаются операции центральных властей вместе с США против «Аш-Шабаб». Сохраняется высокая степень интернационализации, в связи с чем вспоминаются территориальный спор Сомали и Эфиопии из-за области Огаден (Григорьева, Михеев, 2022, с. 18) (линия 18 на рис. 2) и военная операция Кении «Линда Нчи» на юге Сомали в 2011–2012 гг.¹⁶ (линия 19 на рис. 2). Имеют место также военное присутствие Турции (тренировочный лагерь ТЮРКСОМ в Могадишо)¹⁷ и связи ОАЭ с Сомалилендом (проект военной базы в Бербере)¹⁸.

В Судане продолжается внутренний политический конфликт высокой интенсивности между командованием армии и СБР (зона 3 на рис. 1). Не влияя, как йеменский конфликт, на свободу судоходства в Красном море, он имеет среднюю степень интернационализации. На стороне правительства и армии выступает Египет (линия 16 на рис. 2), а Ливийская национальная армия Халифы Хафтара

и ОАЭ поддерживают СБР¹⁹ (линии 12 и 17 на рис. 2).

Самым длительным по времени (более 75 лет) является высокоинтенсивный гибридный конфликт между Государством Израиль и палестинцами (зона 6 на рис. 1). Он может быть отнесен к территориальным (сопротивление Израиля попыткам палестинцев создать свое государство), этническим (антагонизмы между арабами и евреями), религиозным (борьба за Иерусалим — священный город для мусульман и иудеев) и идеологическим конфликтам, если учитывать во многом сохраняющееся восприятие Израиля в исламском мире как «сионистского врага».

Из-за гуманитарной катастрофы в Газе конфликт приобрел еще более высокую степень интенсивности (рис. 3) и интернационализации (рис. 4). Действия Израиля осудили не только на Глобальном Юге, но и в ЕС²⁰. 11 ноября 2023 г. и 11 ноября 2024 г. в Эр-Рияде прошли первый и второй саммиты государств — членов ЛАГ и Организации исламского сотрудничества (ОИС), посвященные событиям в Газе. 13 ноября 2024 г. президент Турции Р.Т. Эрдоган подтвердил факт разрыва отношений с Израилем²¹, тогда как США продолжили оказывать израильтянам поддержку, в частности налагая вето на анти-израильские резолюции в Совете Безопасности (СБ) ООН.²² Пока что нельзя спрогнозировать,

¹⁹ См.: Копытцев И. Внешнеполитическая проекция конфликта в Судане: соседи // *New Eastern Outlook*. 24.05.2024. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/05/24/vneshnepoliticheskaya-proekciya-konflikta-v-sudane-sosedi/> (дата обращения: 22.07.2025); Слушания в Международном Суде: Судан обвиняет ОАЭ в причастности к актам геноцида // *Новости ООН*. 10.04.2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/04/1463206> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁰ Галоян Г. Евросоюз подготовил санкции против Израиля из-за военной операции в Газе // *Газета.RU*. 05.07.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2025/07/05/26201804.shtml> (дата обращения: 07.07.2025).

²¹ Турция разорвала отношения с Израилем // *РИА Новости*. 13.11.2024. URL: <https://ria.ru/20241113/turtsija-1983518724.html> (дата обращения: 18.11.2024).

²² Обзор резолюций, на которые США наложили вето в поддержку сионистского режима // *ParsToday*. 24.11.2024. URL: https://parstoday.ir/ru/news/world-i206294-Обзор_резолюций_на_которые_США_

¹⁶ Алейников С. В. О ходе операции ВС Кении в Сомали // *Институт Ближнего Востока*. 25.10.2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=13515> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁷ Орлов А. С. Об эскалации антитурецких настроений среди боевиков «Аш-Шабаб» в Сомали // *Институт Ближнего Востока*. 13.04.2022. URL: https://www.iimes.ru/?p=85142#_edn2 (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁸ Субботин И. Израиль проявляет интерес к военной базе на Африканском Роге // *Независимая газета*. 05.08.2024. URL: https://www.ng.ru/world/2024-08-05/2_9064_israel.html (дата обращения: 22.07.2025).

положит ли достигнутое 15 января 2025 г. при дипломатическом содействии США, Египта и Катара Соглашение о трехэтапном прекращении огня между Израилем и ХАМАС (вступило в силу 19 января, изначально на 42-дневный срок²³) конец войне в Газе.

Самая опасная, на наш взгляд, ось конфронтации пролегает между Израилем, с одной стороны, а с другой — Ираном и пусть ослабленными за период войны в Газе (2023–2024 гг.) его союзниками по «оси сопротивления» в лице йеменских хуситов, ливанской «Хизбаллы», зонтичных «Сил народной мобилизации»²⁴ в Ираке и — до свержения в декабре 2024 г. Башара Асада — иранских прокси в Сирии (линии 1, 2 и 3 на рис. 2), в контексте палестино-израильского конфликта. Сама же конфронтация представляет собой межгосударственный конфликт идеологий (Иран не признает Израиль) средней интенсивности и интернационализации. Израильтяне, невзирая на зависимость от Вашингтона, предпочитают здесь действовать самостоятельно.

Несмотря на враждебные действия Израиля в 2024 г. (удар по консульскому отделу Посольства Ирана в Дамаске²⁵, ликвидация в Тегеране лидера ХАМАС Исмаила Хании²⁶ и др.), в Тегеране не отказались от доктрины «стратегического терпения»²⁷, ограничиваясь

наложили вето в поддержку сионистского режима (дата обращения: 07.06.2025).

²³ Правительство Израиля одобрило соглашение о прекращении огня с ХАМАС // РБК. 18.01.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/01/2025/678ae5e99a7947c5e14b10c8> (дата обращения: 24.01.2025).

²⁴ В «Силы народной мобилизации» входят не только проиранские, но и националистически настроенные группировки (и суннитские и шиитские), выступающие против слишком тесного сотрудничества Ирака с Исламской Республикой Иран (*Прим. ред.*).

²⁵ Что известно об израильском ударе по консульству Ирана в Сирии // ТАСС. 02.04.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20415991> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁶ Какие последствия может иметь ликвидация главы политбюро ХАМАС Хании // РБК. 31.07.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/07/2024/66aa30939a79477d7a90aa11> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁷ Эксперты объяснили истоки «стратегического терпения» Ирана: чем закончится конфликт с Израилем // Институт востоковедения РАН. 05.10.2024. URL:

демонстративными ударами по израильской территории. Иранские власти стараются избежать разрастания конфликта на Ближнем Востоке в большую войну²⁸, которая пагубно отразилась бы на национальной экономике, и так находящейся под санкциями²⁹. Шансы на перерастание конфронтации в открытый конфликт, однако, сохраняются в свете того, что при Дональде Трампе американцы, как нам представляется, начнут наращивать свое военное присутствие на Ближнем Востоке.

Опасным следствием войны в Газе стал новый виток гибридного и идеологического вооруженного конфликта между Израилем и «Хизбаллой» (зона 7 на рис. 1, линия 4 на рис. 2), 23 сентября 2024 г. ЦАХАЛ начал операцию «Стрелы севера» против «Хизбаллы» в Ливане. До конца 2024 г. конфликт отличался высокой интенсивностью (рис. 3) с тенденцией к эскалации при средней степени интернационализации (рис. 4), когда за спиной «Хизбаллы» во многом остается Иран, а израильтяне зачастую осуществляют самостоятельные шаги, пусть и не без оглядки на США. Ввиду неизвестного исхода ирано-израильского противостояния остается неясным, насколько долговечным окажется режим прекращения огня между Израилем и «Хизбаллой», соглашение о котором было достигнуто при посредничестве США и Франции и вступило в силу 27 ноября 2024 г., первоначально на 60-дневный срок³⁰.

По структуре едва ли не самым сложным в макрорегионе БВСА остается конфликт в

<https://ivran.ru/ivran-v-smi?artid=219666> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁸ Иран предупредил США о риске большой войны на Ближнем Востоке // РБК. 17.11.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/11/2023/6557487e9a79473f939f3eab> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁹ Немтырев М. Иран между войной и сделкой // Ведомости. 10.02.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/10/1090950-iran-mezhdu-voinoi> (дата обращения: 22.07.2025).

³⁰ Coote D., Godfrey P. Israel — Hezbollah Cease-Fire: Displaced Lebanese Begin to Head Home as Guns, Bombs Fall Silent // UPI. November 27, 2024. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2024/11/27/lebanon-cease-fire-begins/3361732695775 (accessed: 24.01.2025).

Сирии (зона 8 на рис. 1), который изначально был обусловлен борьбой сторонников свержнутого в декабре 2024 г. режима Башара Асада против сил оппозиции, от светских группировок и курдских сепаратистов до исламистов. Сирийский конфликт представляет собой внутренний политический конфликт с конфессиональными, этническими, экономическими и идеологическими антагонизмами. После побед сил Б. Асада и его союзников в 2016–2018 гг. интенсивность конфликта, на первый взгляд, снизилась до средней с локализацией боев на севере, северо-востоке, северо-западе и в восточной провинции Дейр-эз-Зор. Однако, несмотря на кажущуюся стабилизацию, имели место теракты, будь то удар беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) по Военной академии в Хомсе 5 октября 2023 г. или вылазки боевиков «Исламского государства» (запрещено в РФ) из Сирийской пустыни, сохранялась напряженность в южной провинции Ас-Сувейда, где местные друзья протестовали против падения уровня жизни³¹.

На всем своем протяжении конфликт в Сирии отличался очень высокой степенью интернационализации: военно-политическим присутствием России и Ирана с одобрения властей, параллельной дислокацией в стране турецких и американских военных без согласия Дамаска и западными санкциями против Сирии. Ярким проявлением интернационализации стал межгосударственный конфликт Сирии и Турции (линия 5 на рис. 2), сопряженный с эпизодическими боевыми столкновениями между их регулярными армиями (например, в ходе сирийской военной операции «Рассвет над Идлибом – 2» в декабре 2019 — марте 2020 г.) и постоянным гибридным конфликтом между Анкарой и военизированными формированиями сирийских курдов. Со временем интенсивность этого конфликта уменьшилась до средней: если в 2015–2022 гг. Турция провела шесть военных

операций, оккупировав север Сирии³², то в 2023–2024 гг. турки наносили только точечные удары по курдам на севере Сирии и Ирака³³ (линия 6 на рис. 2), а в мае 2023 г. на встрече «квартета» министров иностранных дел России, Сирии, Ирана и Турции в Москве была даже анонсирована дорожная карта нормализации сирийско-турецких отношений³⁴. Вместе с тем в конечном счете неафишируемая военно-техническая поддержка Турцией 11-дневного блицкрига антиасадовских сил³⁵ в конце ноября — начале декабря 2024 г., на наш взгляд, привела к столь быстрому падению режима Б. Асада.

В субрегионе Персидского залива открытых конфликтов нет, что, впрочем, не означает отсутствия разногласий между государствами. В первую очередь, речь о соперничестве за региональное лидерство между Ираном и Саудовской Аравией, идейной основой которого является деление мусульман на суннитов и шиитов (линия 7 на рис. 2). Конфликт между Тегераном и Эр-Риядом является межгосударственным с идейно-конфессиональной и политической компонентами. В 2023 г. в Пекине обе стороны заявили о готовности нормализовать отношения³⁶. Степень

³² См.: История военных операций Турции в Сирии // ТАСС. 09.10.2019. URL: <https://tass.ru/info/6981077> (дата обращения: 22.07.2025); Агаев М. А. Оценка эффективности военных операций Турции как фактора роста рейтинга правящей партии // Институт Ближнего Востока. 27.11.2022. URL: <https://www.iimes.ru/?p=92173> (дата обращения: 22.07.2025).

³³ ВВС Турции нанесли удары по целям РПК в Ираке и Сирии // Smotrim.ru. 24.10.2024. URL: <https://smotrim.ru/article/4187372> (дата обращения: 22.07.2025).

³⁴ В Москве встретились главы МИД России, Турции, Ирана и Сирии // Первый канал – Новости. 14.05.2023. URL: https://www.1tv.ru/news/2023-05-14/453056-v_moskve_vstretilis_glavy_mid_rossii_turtsii_irana_i_sirii (дата обращения: 22.07.2025).

³⁵ Иванова М. Bloomberg: Эрдоган укрепил влияние Турции после падения Асада // Взгляд: деловая газета. 10.12.2024. URL: <https://vz.ru/news/2024/12/10/1302584.html> (дата обращения: 22.07.2025).

³⁶ Щегловин Ю. Б. О нормализации дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном при посредничестве Китая // Институт Ближнего Востока. 13.03.2023. URL: <https://www.iimes.ru/?p=95832> (дата обращения: 22.07.2025).

³¹ Семенов К. В. Сирия приближается к новой «арабской весне»? // Российский совет по международным делам. 08.09.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriya-priblizhaetsya-k-novoy-arabskoy-vesne/> (дата обращения: 18.11.2024).

интернационализации данного конфликта остается низкой, ограничиваясь главным образом вовлеченностью Китая.

Другой межгосударственный политический конфликт связан с соперничеством Катара, с одной стороны, и Саудовской Аравии и ОАЭ — с другой (линия 8 рис. 2). В 2017–2021 гг. он привел к острому кризису, когда отношения с Катаром разорвали Бахрейн, Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия и некоторые другие страны. На текущий момент кризис уже урегулирован. Однако Катар и Саудовская Аравия занимают полярные позиции в ливийском конфликте и в отношении ХАМАС. С 2012 г. в Дохе обосновалось политическое крыло данного движения, но в ноябре 2024 г. власти Катара попросили его лидеров покинуть страну³⁷. Интернационализация катарского дипломатического кризиса даже на пике оставалась средней, практически не затронув внерегиональные державы.

Очаги и зоны устойчивого развития

В большинстве стран Ближнего Востока разработаны планы модернизации экономик в русле парадигмы догоняющего развития. В отличие от восточноазиатской модели экономического роста, основанной на создании новых ниш в мировой экономике, ее суть заключается в преодолении отсталости путем импортозамещения и диверсификации народного хозяйства. Особняком стоит экономика инноваций Израиля, созданная при помощи США.

Императивы модернизации отвечают перечню из 17 целей устойчивого развития (ЦУР), который был утвержден Генассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. на период до 2030 г. Для БВСА традиционно важны ЦУР, касающиеся ликвидации бедности, укрепления продовольственной безопасности и рационального использования водных ресурсов³⁸. Однако растущий дисбаланс в

уровнях развития с началом XXI в. обусловил деление на государства с ГРО и конфликтами, перед которыми стоят задачи выживания, и более стабильные страны с амбициозными стремлениями к форсированному строительству «экономик XXI века». Последнее обстоятельство ведет к генезису очагов устойчивого развития (ОУР), ограниченных территориями отдельных стран, и зон устойчивого развития (ЗУР), которые объединяют в единое пространство ряд государств с дружественными или по крайней мере неконфронтационными двусторонними отношениями (трансграничная зона) либо включают в себя по отдельности несколько государств со сложными двусторонними отношениями (субрегиональная зона).

Данная тенденция важна как причина коренного переформатирования национальных интересов. Если отталкиваться от классификации А.Б. Рапопорта (Rapoport, 1960, p. viii), от конфликтов-сражений, когда ради выживания ставятся задачи уничтожения противника, благополучные государства переходят к играм с целью обретения лидерства в соперничестве (но не в войне) и далее — к спорам с нивелированием разногласий через сотрудничество и интеграцию, даже если потребуется примирение с врагом, например с Израилем.

Для определения ОУР и ЗУР в данном исследовании применяются две шкалы. Первая — «Рейтинг стран по выполнению 17 целей в области устойчивого развития ООН» (далее — P1) (табл. 1).

Чтобы скорректировать искажения из-за различий в западных и исламских оценках ЦУР, касающихся всеохватности образования, гендерного равенства, снижения неравенства внутри стран и между ними³⁹ (так, в аравийских монархиях реализуется модель «государства для своих»), что снижает места в P1), задействован также «Глобальный инновационный индекс» (далее — P2), показывающий масштабы внедрения инноваций в экономику (табл. 2).

³⁷ FT: Катар попросил лидеров ХАМАС покинуть страну под давлением США // ТАСС. 09.11.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22357583> (дата обращения: 22.07.2025).

³⁸ Список целей 1, 2, 6. См.: 17 целей // Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам — Устойчивое развитие. URL: <https://sdgs.un.org/ru/goals> (дата обращения: 17.11.2024).

³⁹ Список целей 4, 5, 10. См.: 17 целей // Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам — Устойчивое развитие. URL: <https://sdgs.un.org/ru/goals> (дата обращения: 17.11.2024).

Таблица 1. Рейтинг стран, касающийся выполнения 17 целей в области устойчивого развития ООН

№ п/п	Страна	2020			2024		
		Число баллов (из 100)	Место в мировом рейтинге (из 166)	Место на Ближнем Востоке	Число баллов (из 100)	Место в мировом рейтинге (из 167)	Место на Ближнем Востоке
1	Израиль	74,6	40	1	73,53	↓ 53	1
2	Тунис	71,4	63	4	72,53	↑ 60	2
3	Марокко	71,3	64	5	70,85	↓ 69	3
4	ОАЭ	70,3	71	7	70,52	↑ 70	4
5	Алжир	72,3	56	2	70,47	↓ 71	5
6	Турция	70,3	70	6	70,47	↓ 72	6
7	Египет	68,8	83	10	69,15	→ 83	7
8	Иордания	68,1	89	11	69,06	↑ 85	8
9	Иран	71,8	59	3	68,96	↓ 86	9
10	Оман	69,7	76	8	66,11	↓ 100	10
11	Катар	64,7	103	14	64,93	↑ 102	11
12	Саудовская Аравия	65,8	97	13	64,91	↓ 103	12
13	Ирак	63,1	113	16	64,18	↑ 108	13
14	Ливан	66,7	95	12	63,89	↓ 110	14
15	Кувейт	63,1	112	15	63,76	↑ 111	15
16	Бахрейн	68,8	82	9	63,56	↓ 113	16

Источник: составлено И.А. Матвеевым на основе: Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F. Sustainable Development Report 2020: The Sustainable Development Goals and COVID-19. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 26–27. URL: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2020/2020_sustainable_development_report.pdf (accessed: 01.04.2025); Sachs J., Lafortune G., Fuller G. Sustainable Development Report 2024 : The SDGs and the UN Summit of the Future. Dublin : Dublin University Press, 2024. P. 20–21. URL: <https://files.unsdsn.org/sustainable-development-report-2024.pdf> (accessed: 01.04.2025).

Таблица 2. Глобальный инновационный индекс за 2020 и 2024 гг.

№ п/п	Страна	2020			2024		
		Число баллов (из 100)	Место в мировом рейтинге (из 133)	Место на Ближнем Востоке	Число баллов (из 100)	Место в мировом рейтинге (из 133)	Место на Ближнем Востоке
1	Израиль	53,55	13	1	52,7	↓ 15	1
2	ОАЭ	41,79	34	2	42,8	↑ 32	2
3	Турция	34,90	51	3	39,0	↑ 37	3
4	Саудовская Аравия	30,94	66	5	33,9	↑ 47	4
5	Катар	30,81	70	7	32,9	↑ 49	5
6	Иран	30,89	67	6	28,9	↑ 64	6
7	Марокко	28,97	75	8	28,8	↑ 66	7
8	Кувейт	28,40	78	9	28,1	↑ 71	8
9	Бахрейн	28,37	79	10	27,6	↑ 72	9
10	Иордания	27,79	81	11	27,5	↑ 73	10
11	Оман	26,50	84	12	27,1	↑ 74	11
12	Тунис	31,21	65	4	25,4	↓ 81	12
13	Египет	24,23	96	14	23,7	↑ 86	13
14	Ливан	26,02	87	13	21,5	↓ 94	14
15	Алжир	19,48	121	15	16,2	↑ 115	15

Источник: составлено И. А. Матвеевым на основе: Global Innovation Index 2020 : Who Will Finance Innovation? : 13th edition / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. Geneva : Cornell University, INSEAD, WIPO, 2020. P. xxxii-xxxiii. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (accessed: 14.05.2025); Global Innovation Index 2024 : Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship : 17th edition / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, L. R. León, S. Wunsch-Vincent. Geneva : WIPO, 2024. P. 18. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf (accessed: 14.05.2025).

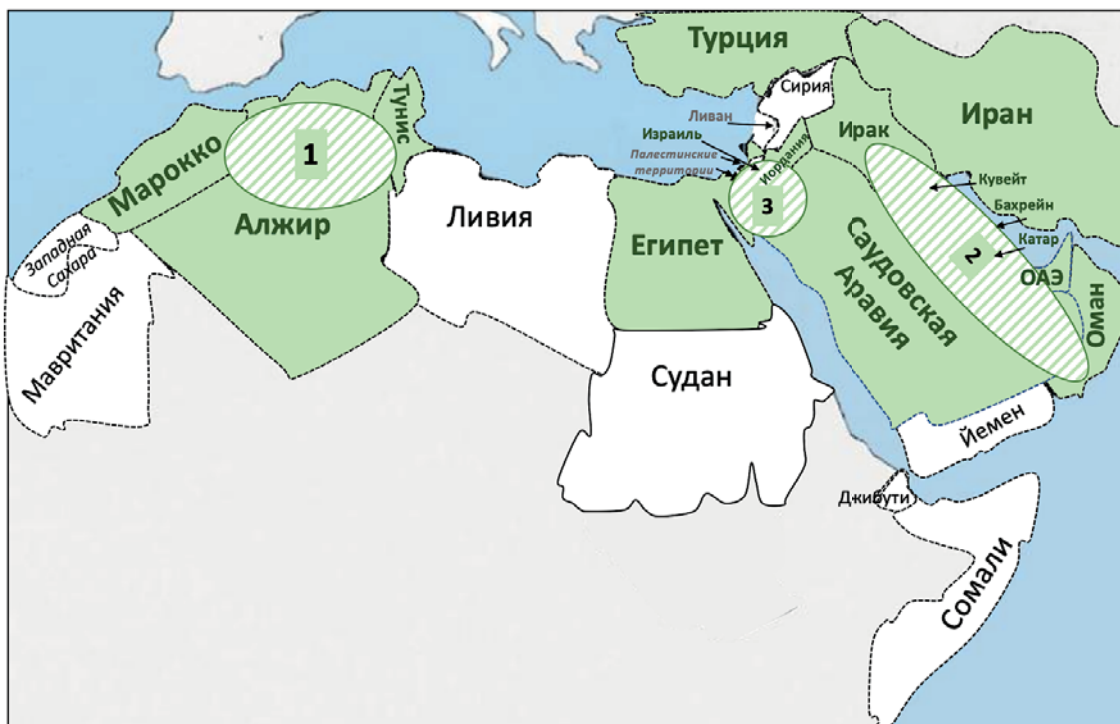

Рис. 5. Зоны и очаги устойчивого развития в макрорегионе БВСА:
цветом выделены государства с ОУР, штриховкой показаны ЗУР.

Источник: составлено И.А. Матвеевым.

После перекрестного рассмотрения оценок по 17 ЦУР и инноваций за 2020 и 2024 гг. (именно эти годы взяты автором, чтобы показать актуализированную динамику сразу за пятилетний период) проявляется следующая палитра ОУР и ЗУР (рис. 5).

В Магрибе ЗУР сформировалась в Алжире (в 2020–2024 гг. опустился со 2-го на 5-е место в P1, оставшись на 15-м месте в P2; здесь и далее указаны места в макрорегионе БВСА), Марокко (поднялось с 5-го на 3-е место в P1 и с 8-го на 7-е — в P2) и Тунисе (опустился с 4-го на 12-е место в P2, поднявшись с 4-го на 2-е в P1). Учитывая политические разногласия между Алжиром и Марокко, которые являются главным препятствием для интеграции в рамках созданного в 1989 г. Союза арабского Магриба (Фролова, 2017, с. 140), здесь уместно говорить не о трансграничной, а субрегиональной ЗУР (зона 1 на рис. 5).

С поправкой на массу нерешенных экономических проблем можно признать факт наличия ОУР в Египте (поднялся с 10-го на 7-е место в P1 и с 14-го на 13-е — в P2),

где с 1970-х гг. используется экономическая стратегия открытых дверей (*инфитах*) с опорой в том числе на ежегодную финансовую помощь США на военные нужды в размере 1,3 млрд долл. США (Савченко, 2023, с. 117).

В Восточном Средиземноморье сложились ОУР в Израиле (1-е место в P1 и P2), Иордании (поднялась с 11-го на 8-е место в P1 и с 11-го на 10-е — в P2), с оговоркой — в Ливане (только в крупных городах Бейрут, Триполи, Сайда, Захле⁴⁰) (из-за внутреннего кризиса Ливан опустился с 12-го на 14-е место в P1 и с 13-го на 14-е — в P2) и в Турции (страна стабильно занимает 6-е место в P1 и 3-е — в P2). Спорным представляется вопрос по поводу наличия ОУР на палестинском Западном берегу, экономика которого тесно привязана к израильской. Ввиду сотрудничества Израиля и Иордании в сфере инноваций, водных ресурсов и энергетики⁴¹ допустимо

⁴⁰ Информация, полученная в ходе полевых наблюдений автора в Ливане.

⁴¹ Израиль и Иордания подписали проект «Вода в обмен на энергию» // ИА Красная Весна. 08.11.2022.

говорить о генезисе израильско-иорданской трансграничной ЗУР (зона 3 на рис. 5).

Что касается Ирана, то в его «экономике сопротивления» наметились первичные признаки ОУР, обусловленные диверсификацией, импортозамещением и опытом обхода санкций (вследствие внутреннего экономического кризиса страна опустилась с 3-го сразу на 9-е место в P1, сохранив, однако, стабильное 6-е место в P2).

Пока до конца неясно, складывается ли ОУР в Ираке, где реализуются программы устойчивого развития при помощи международных организаций и монархий ССАГПЗ, но вместе с тем экономика остается монокультурной с долей нефти в экспорте до 95 % (Battool & Ibrahim, 2023, p. 189). (Ирак поднялся с 16-го на 13-е место в P1, но отсутствует в P2).

Больше всего ОУР сформировалось в субрегионе Персидского залива — шесть по числу монархий ССАГПЗ. Поскольку существует действующий интеграционный орган в лице ССАГПЗ, а подходы к ЦУР, несмотря на нюансы, схожи (суть — в догоняющем развитии на базе инфитаха и диверсификации экономики), можно признать генезис трансграничной ЗУР (зона 2 на рис. 5). Вместе с тем, судя по P1 и P2, результаты достижения ЦУР и внедрения инноваций варьируются от страны к стране: лидером остаются ОАЭ с подъемом с 7-го на 4-е место в P1 и стабильным 2-м местом после Израиля — в P2.

Сопоставив геосхемы на рис. 1 и 2 с рис. 5, становится очевидно, что ОУР и ЗУР зачастую находятся географически близко от конфликтов. Так, ОУР в Марокко соседствует с зоной западносахарского конфликта. Алжир, Египет и Тунис граничат с Ливией. Египет имеет границу с сектором Газа и Израилем. Все это создает риски для устойчивого развития этих государств в плане инвестиций и логистики. В Ливане, ставшем заложником конфликта между Израилем и «Хизбаллой», реализация ЦУР находится под угрозой. В тревожной ситуации оказался Иран, усилия

которого в рамках ЦУР будут похоронены в случае перехода от прокси-войны к открытому конфликту с Израилем. Несколько лучше обстоят дела у Турции, которая географически удалена от конфликтов и в качестве торгового «хаба» извлекает дивиденды из украинского конфликта. В максимальном проигрыше от большой войны окажутся монархии ССАГПЗ, уже потратившие многие миллиарды долларов на ЦУР, что заставляет их воздерживаться от эскалации с Израилем, наблюдая за Ираном и продолжая укреплять обороноспособность с помощью США.

Заключение

Обзор ГРО, конфликтов, ОУР и ЗУР позволил сформулировать определение глубоко разделенного региона, который представляет собой геополитическое и геоэкономическое пространство с системой международных отношений, характеризующееся наличием множественных глубоко разделенных обществ, внутренних, межгосударственных и гибридных конфликтов и в то же время генезисом очагов и зон устойчивого развития.

Составлены геосхемы ГРО/конфликтов и ОУР/ЗУР, шкалы интенсивности и интернационализации конфликтов (рис. 3 и 4). Планируется работа по конкретизации обеих шкал с выработкой балльной системы оценивания по критериям (продолжительность, состав участников, число жертв, беженцев и др.).

Сопоставление геосхем друг с другом и шкалами позволило сделать вывод о высокой вероятности, но в то же время отсутствии предопределенности сценария большой войны на пространстве БВСА до конца 2025 г. В дальнейшем полезными были бы ежегодные срезы текущей ситуации с отслеживанием динамики рисков разрастания конфликтов.

В абсолютном большинстве стран БВСА сложились глубоко разделенные общества, в шести случаях (Ирак, Йемен, Ливия, Сирия, Сомали, Судан) послужившие катализатором внутренних конфликтов. Вместе с тем сами по себе ГРО не вызывают критическую

URL: <https://rossaprimavera.ru/news/f2a5e758> (дата обращения: 17.11.2024).

хрупкость БВСА. Это показала «арабская весна», которая, несмотря на сходные проблемы в ряде стран, привела к радикальной смене лидеров и власти лишь в четырех странах (в Египте, и то условно, поскольку особая роль военных в обществе сохранилась, а также в Йемене, Ливии — в данном случае с учетом решающего значения внешнего фактора, и в Тунисе).

Разнообразие и растущая взаимосвязь конфликтов, и не только в регионе, являются дестабилизирующим фактором, обуславливая геополитические и геоэкономические сдвиги. Это повышает градус непредсказуемости обстановки и, как следствие, создает пусть пока, к счастью, ограниченные риски случайного повода для большой войны. К примеру, вмешательство Турции в Ливии переводит ливийский конфликт из орбиты Магриба в орбиту Восточного Средиземноморья, а украинский конфликт провоцирует волатильность на рынках продовольствия, чреватую новой «арабской весной». Война в Газе по принципу домино вызвала столкновения Израиля с Ираном, «Хизбаллой» и хуситами.

Новый «пояс устойчивого развития» в ЗУР Персидского залива с подключением к нему Ирана в случае достижения реального и окончательного примирения между Тегераном и Эр-Риядом, а также ОУР в Магрибе, Египте и Турции становятся противовесом конфликтогенности. Главным императивом становится прочный мир, о чем свидетельствуют «соглашения Авраама» 2020–2021 гг. о нормализации отношений между Бахрейном, Марокко и ОАЭ и Израилем. Провал усилий Вашингтона по «умиротворению» БВСА на монетарной основе и даже война в Газе не изменили новой реальности.

После 2025 г. ситуация способна поменяться как в лучшую, так и в худшую сторону. Нельзя исключать, что в пользу первого, позитивного, сценария сыграют успехи в выполнении ЦУР, запуск глобальных логистических проектов и нормализация отношений между Ираном и Саудовской Аравией, Израилем и Саудовской Аравией. Напротив, второй, негативный, сценарий может быть

спровоцирован критическим ростом взаимозависимости и хаотичности конфликтов и возвратом к логике игр с нулевой суммой, если тех же иранцев вынудят отказаться от доктрины «стратегического терпения» в пользу открытого конфликта с Израилем.

Резюмируя, представляется целесообразным высказать ряд рекомендаций по реализации Концепции внешней политики Российской Федерации.

1. *На макрорегиональном уровне* — укреплять координацию органов государственной власти РФ, Российского экспортного центра, Торгово-промышленной палаты РФ с отечественными академическими центрами с целью выявления рисков и перспектив для диалогов со странами БВСА, модальностей их участия в многосторонних форматах через призму иерархии национальных интересов и степени готовности к партнерству с Россией.

2. *На региональном и субрегиональном уровне* — с учетом эволюции конфликтов и ОУР/ЗУР уточнять с привлечением российских посольств, торгпредств и экспертов приоритетные, в том числе новые направления для торгово-экономического сотрудничества со странами БВСА с разбивкой на субрегионы.

3. *На страновом уровне* — вести разработку предложений по активизации роли России в свете императивов устойчивого развития, интеграции и сотрудничества. Имеется в виду поиск модальностей мирного урегулирования внутренних конфликтов (йеменский, ливийский, с 2026 г. или позднее, возможно, вновь сирийский) и путей продвижения в деле решения палестинской проблемы (поощрение контактов между палестинскими фракциями, возобновление работы «ближневосточного квартета»).

В этой связи достаточно перспективным в контексте урегулирования внутренних конфликтов выглядит позитивный российский опыт в Сирии. Речь идет прежде всего о модели «матрицы безопасности», разрабатываемой автором данного исследования, суть которой заключается в создании за счет

присутствия «на земле» российской военной полиции условий для оживления социальной и экономической жизни. Нельзя исключать, что, несмотря на свержение Б. Асада, конкретные наработки по политической деэскалации на местном уровне уже начиная

с 2025 г. могут оказаться востребованными в плоскости других конфликтов в арабском мире, например, в Ливии и Судане, а также в Африке южнее Сахары — Нигере, Мали, Центрально-Африканской Республике.

Поступила в редакцию / Received: 06.04.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 09.06.2025
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Арабский Восток в лабиринте социально-экономических проблем / отв. ред. А. О. Филоник. Москва : Институт востоковедения РАН, 2022. EDN: FFFYQCB
- Белов В. И., Савичева Е. М. Ближний Восток от настоящего к будущему: вызовы меняющейся идентичности. Москва : Российский университет дружбы народов, 2021. EDN: WZRCHF
- Глухова А. В. Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации) // Политическая наука. 2020. № 3. С. 13–33. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.01>; EDN: GPHPXW
- Григорьева С. В., Михеев Н. И. Огаденская война на страницах газеты «Правда» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 18–24. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_4_18; EDN: HCBYTS
- Гришина Н. В. Мавритания: эволюция политических структур // Ученые записки Института Африки РАН. 2021. 3. С. 56–65. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2021-56-3-56-65>; EDN: FFHQKO
- Демидов А. В. Современное Сомали: политико-этнический анализ // Символ науки: международный научный журнал. 2023. № 5–2. С. 198–206. EDN: IXTMW
- Звягельская И. Д. Конфликты на Ближнем Востоке: тенденции и игроки // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 16–24. EDN: YSEZZ
- Звягельская И. Д., Богачева А. С., Давыдов А. А., Ибрагимов И. Э., Лазовский С. О. и др. Российская политика на Ближнем Востоке. Перспективы и вызовы // Свободная мысль. 2021. № 6. С. 71–86. <https://doi.org/10.24412/0869-4435-2021-61690-71-86>; EDN: NHCARY
- Ибрагимов И. Э. Роль военно-политической элиты Египта в борьбе за национальную независимость в период после Второй мировой войны (1945–1952) // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12, № 4. С. 72–88. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-72-88>; EDN: EYXRRS
- Исаев Л. М., Айсин М. Б., Медведев И. А., Коротаев А. В. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 4. С. 713–730. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-713-730>; EDN: KYIRWO
- Исаев Л. М., Бобарыкина Д. А. Клановый федерализм в Сомали // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2023. № 2. С. 248–284. EDN: NVRDXX
- Лукьянов Г. В., Кулиева Н. С. Представления о роли внешних акторов в ливийском конфликте в современном экспертно-аналитическом сообществе Турции (на примере анализа материалов SETA) // Современные востоковедческие исследования. 2024. Т. 6, № 1. С. 111–127. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2024-111-127>; EDN: ORGLIO
- Мамедов Р. Ш., Сапронова М. А. Особенности политического развития Ирака в 2003–2020 годах: формирование новой элиты // Научный диалог. 2021. № 1. С. 357–370. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-357-370>; EDN: JJLSU
- Мамедова Н. М. Роль планирования в экономическом развитии Ирана // Восточная аналитика. 2016. № 3. С. 64–82. EDN: QAWXLT
- Махмутова М. И. Организационная структура Хизбаллы и ее участие в ливанской политике // Современная научная мысль. 2020. № 5. С. 76–85. EDN: BAGPAE
- Махмутова М. И. Политические позиции ливийских племен в ходе гражданской войны (2019–2020 гг.) // *Historia provinciae* — Журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 361–406. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-1>; EDN: GYSLYX
- Мельянцева В. А., Амиров Э. Р. Арабские страны: достижения, проблемы и ключевые факторы экономического развития // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 3. С. 6–18. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2018-3-6-18>; EDN: YLGJXN

- Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т. 7, № 1. С. 66–96. EDN: TXHWHV
- Наумкин В. В., Кузнецов В. А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 6. С. 104–113. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113>; EDN: DYOXZL
- От системной истории к российской теории международных отношений. Интервью с профессором Алексеем Демосфеновичем Богатуровым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 3. С. 574–584. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-574-584>; EDN: YOWWAZ
- Поляков Д. С. Ближневосточная подсистема международных отношений в двадцатые годы XXI века // Восточный курьер. 2023. № 1. С. 48–62. <https://doi.org/10.18254/S268684310025306-4>; EDN: CFNOLH
- Пономаренко Л. В., Пискунов Д. А. Китай — Джибути: стратегическое партнерство в Восточной Африке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14, № 2. С. 158–174. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-158-174>; EDN: BBVATN
- Руденко Л. Н. Экономическая модернизация в арабских странах // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 12. С. 18–30. EDN: XEQNKD
- Рыжов И. В., Бородин М. Ю., Савичева Е. М. Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 1. С. 48–55. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-1-48-55>; EDN: PVCBXL
- Савченко Е. О. Специфика американо-египетских отношений после событий «арабской весны» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14, № 4. С. 113–131. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2023-14-4-113-131>; EDN: AMDMNS
- Сушенцов А. А. Типология поведения в международных конфликтах // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 3. С. 70–84. EDN: PXAOZH
- Труевцев К. М. Глобализация и исламский мир: после двух волн турбулентности // Труды Института востоковедения РАН. 2020. № 26. С. 565–584. EDN: LMSCKLM
- Филиппова А. А. Демографические аспекты курдского вопроса в Турции // Казанский вестник молодых ученых. 2020. Т. 4, № 1. С. 99–107. EDN: XBUWCP
- Фролова И. Б. Союз Арабского Магриба: задачи, проблемы, перспективы // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1. С. 136–141. EDN: YPYFZ
- Яковлев А. И. Перебалансировка системы международных отношений на Ближнем Востоке в XXI в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 2. С. 119–130. <https://doi.org/10.31857/S086919080009061-4>; EDN: SXXVRD
- Batool M. I., Ibrahim B. H. The Role of Oil Revenues to Enhance International Reserves in Iraq for the Period (2004–2021) // Russian Law Journal. 2023. Vol. 11, no. 10S. P. 173–191. <https://doi.org/10.52783/rj.v11i10s.1693>; EDN: WREIOX
- Gelvin J. L. The Arab Uprisings: What Everyone Needs to Know. New York : Oxford University Press, 2012.
- Guelke A. Politics in Deeply Divided Societies. Malden, MA : Polity Press, 2012.
- Haas M. L. The Arab Spring : The Hope and Reality of the Uprisings. 2nd edition. New York : Routledge, 2017. <https://doi.org/10.4324/9780429494581>
- Halliday F. The Middle East in International Relations. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790829>
- Hinnebusch R. The International Politics of the Middle East. 2nd edition. Manchester, New York : Manchester University Press, 2015.
- Rapoport A. B. Fights, Games, and Debates. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1960.
- Taylor P. Nonstate Actors in International Politics : From Transregional to Substate Organizations. Boulder, Colorado; London : Westview Press, 1984.

Сведения об авторе:

Матвеев Игорь Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международного бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2; eLibrary SPIN-код: 2933-1143; ORCID: 0000-0002-4611-5669; e-mail: iamatveev@fa.ru